

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Баранов Павел Петрович доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и муниципального права, Южно-Российский
институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: pravosoznanie@gmail.com

Аннотация

Работа посвящена проблемам реализации конституционных предписаний как важной составляющей процесса формирования конституционно-правовой культуры населения и представителей публичной власти. На основе анализа современной конституционно-правовой политики автор делает вывод о явном несоответствии фактической и юридической конституции, что и является основной преградой на пути повышения конституционно-правовой культуры россиян.

Ключевые слова: избирательное законодательство, конституционная культура, конституционное правосознание, политические права и свободы, реализация конституции, социальное государство, культура, правовое сознание, политика, конституция, конституционализм.

Исследование проблем, затрагивающих различные аспекты феномена конституционно-правовой культуры, не являясь откровенно новым направлением российской конституционно-правовой науки, приобретает все большее и большее значение на современном этапе развития российского конституционализма. Особую важность и значимость данной проблеме придает тот факт, что конституционная культура в России формируется на стыке политика и права, что обусловлено особой важностью Конституции РФ как главного политико-правового документа страны. Кроме того, она традиционно рассматривается как основа для формирования государства нового типа – демократического, правового, социального и др. В свою очередь, воспитательная функция Конституции предполагает формирование соответствующего уровня

конституционной культуры, без которого невозможно реальное воплощение в жизнь базовых идей и принципов, лежащих в основе конституционно-правовых отношений.

Не вызывает сомнения, что эффективность Конституции напрямую зависит от степени распространенности в обществе конституционных положений, принципов и идей, их близости эмоциональным настроениям и ценностным ориентациям граждан. В то же время конституционно-правовые положения не становятся реальными стимулами поведения людей, если последние видят в них только абстрактные задачи, цели и «пожелания», которые будут практически реализованы в неопределенном будущем. Как справедливо отмечают в этой связи многие исследователи, «недостаточно иметь хорошую Конституцию, необходимо создать условия и механизмы, чтобы она была реальным и действенным фактором общественного развития» [1, с. 133].

В самом общем виде конституционно-правовую культуру можно определить как совокупность конституционно-правовых знаний, убеждений, психических проявлений и установок личности, которые используются в сфере реализации Конституции РФ, включающей самые различные стороны общественной жизни. Современная российская Конституция существует достаточно давно, к ней уже не раз принимались поправки, однако она все еще воспринимается как документ относительно «новый», требующий пристального внимания как на уровне изучения ее юридических свойств, так и на уровне концептуальных обобщений промежуточных итогов ее функционирования в качестве Основного Закона, предложившего в определенный момент принципиально иную модель взаимоотношений между государством и обществом.

На наш взгляд, основная задача, которая ставилась российской властью перед новой Конституцией – изменить систему приоритетов «государство – общество – личность» на «личность – общество – государство» – не выполнена. Система приоритетов осталась прежней, а по сравнению с последним десятилетием прошлого века она даже значительно укрепилась в позициях. Недолгий период, как его сейчас называют, романтического конституционализма, когда термины «либерал» и «либеральный» не использовались, как сейчас, исключительно в негативном контексте, сменился периодом прагматического конституционализма, когда в традиционном споре между «частным» и «публичным» во всех случаях безоговорочно побеждает «публичное». В этих условиях бесконечно повторяемые «мантры» о правах и свободах как высшей ценности, как и о том, что именно они определяют смысл, содержание и применение законов, а также деятельность законодательной и исполнительной власти (ст. 18 Конституции РФ), ничего, кроме отрешения, не вызывают и не могут вызвать. Как Россия смогла дойти до того, что термин «правозащитник» воспринимается практически, как термин «предатель национальных интересов» — это предмет отдельной дискуссии.

Очевидно, что конституционно-правовая культура может и должна успешно формироваться в условиях достаточного уровня взаимодействия и взаимного доверия всех социальных групп. В свою очередь, недоверие ведет к закрытости, противостоянию и росту агрессии в обществе. Как следствие, в современной России все чаще

можно услышать такие выражения, как «народный фронт», «народное ополчение», «иностранный агент» (в широком, не юридическом смысле) [2, с. 58] и др.

В современной России уровень конституционной культуры отдельных индивидов, общества в целом, как и представителей органов государственной власти недостаточно высок. Распространенными явлениями выступают конституционно-правовой инфантилизм, нигилизм, догматизм, что, в целом, тормозит процессы модернизации и превращения Конституции РФ из документа, зачастую декларативного, в документ, который призван в полной мере обеспечить социально-политическую стабильность в обществе и поступательное демократическое развитие российской государственности.

В Преамбуле Основного Закона провозглашается, что многонациональный народ принимает Конституцию РФ, «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Действительно, конституционно-правовая культура неотделима от идеи гуманизма, справедливости и добра. В этой связи следует согласиться с авторами, которые отмечают довольно высокую степень обвинительного и репрессивного уклона в современном российском законодательстве и повседневной правоприменительной практике. Что означает принцип неотчуждаемости прав и свобод человека, и какое конкретно смысловое наполнение необходимо в него вкладывать, в сегодняшней российской действительности внятно не сможет ответить никто. Как показывает практика, права и свободы действительно нельзя «отчуждать», однако их можно бесконечно долго и совершенно свободно «ограничивать», в каком угодно объеме и на каких угодно основаниях. Известный конституционный пассаж о том, что права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55 Конституции РФ), только подтверждает тот факт, что в процессе бесконечного ограничения прав и свобод современное российское государство не ограничено, по сути, ничем.

Напрашивается неутешительный вывод – в современной России Конституция живет своей самостоятельной жизнью, а человек, государство и общество – своей. Как показывают многочисленные опросы, население страны в своем большинстве вообще не знакомо с текстом Основного Закона. Та же часть, что когда-то и знакомилась с текстом, как правило, имеет о нем очень смутное представление. Однако следует заметить, что в сложившихся политических и социально-экономических условиях само обращение обычных граждан к тексту Конституции РФ не сможет оказать какого-либо положительного влияния на процессы формирования конституционной культуры. Практически любое сравнение текста Основного Закона с существующими реалиями обыденной жизни наглядно демонстрирует значительные и не всегда объяснимые несоответствия между конституционными декларациями и их реализацией в реальной жизни.

В первую очередь необходимо вспомнить конституционную идею социального государства и ее реализацию на практике. Именно вопросы социальной политики

государства в последнее время в наибольшей степени волнуют сознание россиян как по причине перманентного социально-экономического кризиса в стране, так и в свете давно ожидаемых и обсуждаемых изменений в пенсионном законодательстве России. Как известно, реализация идеи социального государства преследует две основные цели. Во-первых, обеспечить финансовую поддержку особенно нуждающихся групп населения, а также достойный уровень жизни для всех без исключения граждан России. Во-вторых, хотя бы в общих чертах решить проблему социального неравенства, т. е. нивелировать объективно складывающуюся ситуацию социального расслоения общества, без которого невозможно существование капиталистической системы отношений. В данной связи упор должен делаться не на совокупность конкретных финансово-экономических показателей, которые могут трактоваться населением достаточно субъективно, а на формирование соответствующего уровня веры населения в конечную реализацию идеи социальной справедливости, или в то, что государство предпринимает все максимально возможное для ее реализации.

При этом, на наш взгляд, в современной России, в которой еще очень сильны представления о социальной функции государства, оставшиеся по наследству от бывшего Советского Союза, необходимо достаточно последовательно и доходчиво «доводить» до населения мысль о том, что капиталистическая система отношений предполагает несколько иное отношение к проблемам социального иждивенчества, социального уравнивания и др. Государство не отказывается брать на себя функции социальной поддержки наиболее уязвимых групп населения, как и иных групп, к таковым не относящихся, однако процесс перехода достаточно декларативных социальных обязанностей государства в принципиально иное качество – это, по сути, процесс бесконечный, неразрывно связанный с экономическими возможностями государства. «Требовать» в этой связи от государства особых социальных преференций, безусловно, следует, но также следует четко отдавать себе отчет в том, что социальные права наиболее декларативны из всех конституционных прав и свобод даже в отрыве от современной российской действительности.

В этой связи необходимо напомнить, что группа социальных прав особо зависима не просто от наличия возможности их финансирования, но и от соответствующего «желания» государства тратить имеющиеся в распоряжении условно «свободные» финансовые средства именно на социальную политику, а не на какие-либо другие нужды. Не случайно, роль Конституционного Суда РФ в процессе защиты социальных прав и свобод сводится по большей степени к оценке целесообразности различий в социально-правовом статусе и постоянной констатации факта невозможности вмешиваться в специальные полномочия законодателя по конкретизации соответствующих социальных прав.

Еще раз вспоминая о пенсионной реформе современного российского законодательства, отдавая должное ее фактическим экономическим предпосылкам и вполне объяснимым трудностям в восприятии ее гражданами страны, следует подчеркнуть, что такие, по своей сути революционные, социально-экономические новации всегда будут наталкиваться на значительное противодействие населения и, в большей или меньшей степени, различных социальных групп. Однако ситуация

жесткой конфронтации, в которой, по сути, оказались население России и современная политическая элита, ставшая стеной на защиту непопулярных пенсионных реформ, могла бы быть существенным образом нивелирована при наличии хотя бы минимального уровня доверия населения к действующим институтам публичной власти. Однако в ситуации, когда уже очень долгое время вся политико-правовая система держится исключительно на доверии населения России к фигуре действующего Президента (в этой связи нельзя не отметить достаточную субъективность и политическую ангажированность методики проведения соответствующих социологических опросов, в конечном итоге также влияющих на их результаты), стандартные механизмы прямой и обратной связи между населением и публичной властью оказываются давно не работающими, а отчуждение власти от народа достигает угрожающих размеров. Ситуация значительно усугубляется отсутствием сколько-нибудь развитых институтов гражданского общества, о необходимости законодательного стимулирования развития которых автор данной статьи уже не раз писал ранее.

Так или иначе, непопулярные в народе пенсионные реформы, вылились в итоге в некоторые электоральные проблемы действующей публичной власти и в очередной раз продемонстрировали все недостатки современной избирательной системы. Следует напомнить, что проблемы, лежащие в сфере реализации конституционных избирательных прав граждан, на сегодняшний день выступают одними из самых актуальных. Болезненное последних воспринимаются, пожалуй, только вопросы реализации социальных обязательств государства перед населением, о которых мы уже упоминали. Нельзя не заметить целый ряд уже достаточно давно ждущих своего решения проблем, влияние которых на политическую и электоральную культуру россиян переоценить сложно.

Не вызывает сомнения, что часть из нерешенных проблем, ведущих, с одной стороны, к продолжающемуся падению избирательной активности россиян, а, с другой стороны, – как это не парадоксально, к распространению идеи «протестного» голосования (на последних выборах глав субъектов впечатляющую конкуренцию представителям действующей власти составили не имеющие никакого политического веса «технические» кандидаты, изначально даже не ставившие себе цель победы в выборах), поддается решению на уровне коррекции текущего законодательства. Вопрос лишь в том – хочет ли таких изменений современная публичная власть? Сформировавшаяся и относительно «успешно» существующая система выборов глав регионов (только недавно начавшая давать серьезные «сбои») поднимает вопрос о целесообразности возвращения властью прямых выборов губернаторов без реального желания обновления политической системы общества в целом и формирования выборных институтов на сколько-нибудь конкурентной основе. В этой связи нельзя не вспомнить благополучно «почивший» институт прямых выборов глав муниципальных образований, за который также, как оказалось, некому «заступиться» ни на уровне федерального законодателя, ни на уровне конституционного правосудия.

Серьезную озабоченность вызывают все большие и большие ограничения в сфере политических прав и свобод, таких как свобода мысли и слова, право на проведение публичных мероприятий [3, с. 24 – 44] и др. Волна уголовных преследований

за «лайки» и «репосты» в социальных сетях в конечном итоге «заинтересовала» Президента РФ, что вылилось в особые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и подготовку соответствующих изменений в законодательство. Право на проведение публичных мероприятий, без всякого сомнения, свелось к разрешительному характеру его реализации при продолжающемся декларировании его уведомительного характера. Отдельного внимания заслуживает «плачевная» ситуация в сфере реализации права на одиночные пикеты. С одной стороны, на законодательном уровне теперь не допускаются одиночные пикеты, объединенные общей политической идеей (Конституционный Суд РФ представил последние как «злоупотребление правом не уведомлять органы публичной власти о проведении одиночного пикетирования»), с другой стороны мы наблюдаем уже сложившуюся «порочную» практику, когда особо «неудобные» одиночные пикеты «прекращаются» сотрудниками полиции, а соответствующие граждане насильственно доставляются в служебные помещения под предлогом установления личности или же их защиты от непосредственной угрозы жизни и здоровью.

Традиционно развиваемое на уровне конституционно-правовой науки мнение о том, что основным объектом воспитания в процессе формирования конституционной культуры является «обыватель», т. е. рядовой гражданин Российской Федерации, нуждается в серьезной коррекции. На наш взгляд, начинать реформу конституционно-правового воспитания необходимо, как и в большинстве подобных случаев, с самого верха, начиная от политической власти и политической элиты. При этом конституционная культура представителей конституционно-правового знания также вызывает очень много вопросов. Многие представители современной конституционно-правовой науки, как правило, живут в своем особом, в какой-то степени элитарном, мире сложносочиненных конституционно-правовых конструкций, очень далеких от реально существующих общественных отношений, и решают в своих научных изысканиях по сути чисто «технические» задачи, тогда как основное внимание в современной России должны вызывать как раз проблемы концептуального масштаба, – не проблемы исключительно методологического характера, не проблемы разработки принципиально новых направлений и институтов конституционно-правовой науки, значимость которых мы нисколько не хотим принижать, – а проблемы «спасения» идеи современного российского конституционализма, который все больше дрейфует в сторону, как это сейчас принято говорить, традиционного для российского менталитета этатистского государства с некоторыми случайными, произвольными и тщательно опекаемыми политическими «ослаблениями».

На наш взгляд, пора уйти от традиционного рассмотрения проблем конституционной культуры исключительно в контексте реализации идеи конституционного воспитания и просвещения населения России. «Банальное» прочтение и сколько-нибудь внимательное изучение конституционного текста, как мы уже отмечали, не только не даст сколько-нибудь значимого эффекта, а вполне может спровоцировать и совершенно нежелательные и достаточно неожиданные последствия. До тех пор, пока между текстом Основного Закона и реальными общественными отношениями будет лежать непреодолимая пропасть «имманентных пределов» и «необходимых

ограничений», ждать от конституционного просвещения граждан какого-либо ощутимого политического эффекта явно не приходится. Конституционная культура политической элиты и конституционная культура органов публичной власти – вот та основная проблема, которую нужно срочно решать уже в самое ближайшее время. В противном случае, если предположить, что откровенно социально обусловленные всплески протестной электоральной активности рано или поздно сойдут на нет, ждать каких-либо значительных изменений конституционной культуры общества в целом особого смысла не имеет. В итоге, – отношение большинства российских граждан к действующей Конституции будет таким же, как и к Конституции бывшего СССР. И это при учете того, что Советский Союз с реализацией идеи социального равенства, в том числе и на уровне идеологическом, вполне справлялся, чего категорически нельзя сказать о современном российском государстве.

Литература

1. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии 2013. № 04 (93).
2. Мамонов В. В. Конституционная культура – основа российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии 2014. № 01 (96).
3. Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6.

Baranov Pavel Petrovich, Doctor of Law, Professor, the head of the department of the constitutional and municipal law, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: pravosoznanie@gmail.com

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROSPECTS FOR THE FORMATION OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL CULTURE OF SOCIETY

Abstract

The work is devoted to the problems of the implementation of constitutional prescriptions as an important component of the process of forming the constitutional legal culture of the population and representatives of public authority. Based on the analysis of the current constitutional legal policy, the author concludes that there is a clear discrepancy between the actual and legal constitution, which is the main obstacle to the improvement of the constitutional and legal culture of Russians.

Keywords: Election legislation, constitutional culture, constitutional sense of justice, political rights and freedoms, the implementation of the constitution, the social state, culture, legal consciousness, policy, konstitution, constitutionalism.

References

1. Social'no-psihologicheskie faktory realizacii Konstitucii Rossijskoj Federacii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii 2013. № 04 (93).
2. Mamonov V. V. Konstitucionnaya kul'tura – osnova rossijskogo gosudarstva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii 2014. № 01 (96).
3. Kondrashev A. A. Svoboda sobranij v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya praktika // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 6.

УДК 342.4

DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-4-66-77

НАДКЛАССОВАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

**Акопов
Леонид
Владимирович** доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Основы правоведения»,
Донской государственной технической университет
(344010, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).
E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация

В данной статье анализируется и обосновывается надклассовая природа Конституции Российской Федерации 1993 года, свободной от идеологических догм и классовых предпочтений, закрепляющей международные стандарты в области прав человека и общегуманные ценности, а также свободу экономической деятельности и демократические начала в управлении государством.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, надклассовая природа современных конституций, права и свободы человека и гражданина, правовое государство, демократия, открытое общество, социальное государство, теория конституции, история конституций.

Вряд ли кто будет оспаривать тот непреложный факт, что все конституции советского периода, включая и первую в истории государства Российской Конституцию (Основной Закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. (подробнее см.: [1]), носили явно выраженный классовый характер.

Как отмечает Л. Г. Берлявский, «в основу содержания всех советских конституций (с небольшими отступлениями) положены идеи, впервые сформулированные в Конституции РСФСР 1918 г.:

- идеал классового государства...;
- установление партийного (Коммунистическая партия) характера государства...» (воспроизводится по: [2, с. 93];

Вместе с тем, как справедливо замечает Б. С. Эбзеев, конституции 1936 – 1937 гг., а также 1977 – 1978 гг. предусматривали «отказ от наиболее одиозных проявле-